

УДК 343.951:159.9.07

DOI 10.17150/2500-4255.2018.12(6).826-835

КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ПСИХОЛОГО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР САМООБОРОНЫ

Т. М. Краснянская, В. Г. Тылец, В. В. Иохвидов

Ставропольский государственный педагогический институт, г. Ессентуки, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

5 марта 2018 г.

Дата принятия в печать

15 ноября 2018 г.

Дата онлайн-размещения

24 декабря 2018 г.

Ключевые слова

Личная безопасность; самооборона; защищенность; концепция; субъект; самообеспечение безопасности; пределы обороны

Аннотация. В статье представлено рассмотрение проблемы обоснованности субъектных действий в уголовно релевантных ситуациях самообороны в новом ракурсе. Введено понимание самообороны как последовательности действий субъекта, направленных на противодействие источнику угрозы жизненно значимым для него интересам. Адекватное понимание особенностей поведения субъекта самообороны, по мнению авторов, требует тщательного рассмотрения всех аспектов соответствующего противодействия, включая их психологическую составляющую. Ведущей психологической детерминантой противодействия внешней агрессии обозначена концепция личной безопасности как элемент я-концепции личности, регулирующий активность субъекта в особых ситуациях угрозы его защищенности и потенциалу развития. Функциональная роль концепции при самообороне раскрыта на основе анализа мобилизационной, стимулирующей и направляющей функций. Показано содержательное наполнение ее когнитивного, аффективного и конативного компонентов. Концепция личной безопасности включает в себя универсальное, значимое для любых угрожающих ситуаций и специализированное содержание. Данное обстоятельство позволяет привлечь объяснительный потенциал, накопленный в рамках психологии безопасности, но требует дополнительных исследований, раскрывающих специфику психологических феноменов в условиях самообороны. В целях восполнения пробелов в предметной области в работе представлены результаты эмпирически выявленной связи компонентов концепции личной безопасности и готовности к построению практики самообороны. На основе экспертного анализа продуктов деятельности выявлены и содержательно раскрыты компоненты личной безопасности в ситуации самообороны, обозначенные как «самоощущение», «оценка субъекта агрессии» и «ситуация». Использование метода субъективного шкалирования позволило установить статистически значимую связь выбора средства отражения нападения с самоощущением и оценкой субъекта агрессии, а также связь выбора целевых границ противодействия с оценкой субъекта агрессии и восприятием ситуации. Эмпирические данные послужили основой для разработки рекомендаций по развитию у молодых людей психологической компетентности в качестве способа повышения обоснованности их действий при самообороне.

PERSONAL SAFETY CONCEPT AS A PSYCHOLOGICAL AND CRIMINOLOGICAL FACTOR OF SELF-DEFENSE

Tatiana M. Krasnyanskaya, Valery G. Tylets, Vladimir V. Iokhvidov

Stavropol State Pedagogical Institute, Essentuki, the Russian Federation

Article info

Received

2018 March 5

Accepted

2018 November 15

Available online

2018 December 24

Keywords

Personal safety; self-defense; security; concept; subject; self-provision of defense; limits of defense

Abstract. The paper examines the problem of justifiable subjective actions in the criminally relevant situations of self-defense from a new angle. The authors introduce an understanding of self-defense as a sequence of actions aimed at counteracting the source of threat to vitally important interests of the subject. The authors claim that an adequate understanding of behavioral characteristics of the subject of self-defense requires a thorough examination of all aspects of the corresponding counteraction, including its psychological component. It is stated that the leading psychological determinant of counteracting external aggression is the concept of personal safety as an element of I-concept of the person regulating the activity of the subject in special situations that threaten its security and development potential. The functional role of the concept in self-defense is described on the basis of the analysis of its mobilization, stimulation and guidance functions. The authors highlight the substantive content of its cognitive, affective and conative component. The concept of personal safety contains

the content that is universal, meaningful for all threatening situations and specialized. This factor makes it possible to use the explanatory potential accumulated within the framework of the psychology of safety, but requires extra research that would describe the specific features of psychological phenomena in the conditions of self-defense. In order to bridge the gaps in this sphere, the paper presents the results of an empirically revealed connection between the components of personal safety concept and the readiness to build the practice of self-defense. The expert analysis of the activity's products makes it possible to reveal and describe the components of personal safety in the situation of self-defense, which are denoted as «self-feeling», «evaluation of the subject of aggression» and «situation». The use of the subjective scaling method allowed the authors to determine a statistically relevant link between the choice of methods of repelling an attack, self-feeling and the assessment of the subject of aggression, as well as a connection between the choice of target boundaries of counteraction, the assessment of the subject of aggression and the perception of the situation. Empirical data formed the basis for recommendations on developing psychological competence in young people as a method of increasing reasonableness of their actions in self-defense.

Обстоятельства современной действительности со столкновениями интересов многочисленных субъектов таковы, что от каждого требуют способности защитить себя, своих близких, свою собственность, свои права и свободы от разнообразных посягательств. Из всего спектра всевозможных трудных и экстремальных ситуаций, в которых человек вынужден демонстрировать достаточно решительные действия, наибольшее внимание правовых институтов вызывают те, которые имеют характер уголовно релевантного противодействия агрессии, связанной с угрозой для жизни. Реализуемая в этой сфере самооборона сохраняет неоднозначность оценочного толкования обоснованности различных типов ответного поведения со стороны объекта насильственных действий [1–3]. Несмотря на уточнение в правовых нормативных документах формальных признаков обоснованности самообороны, многообразие реальности при анализе конкретных событий продолжает вызывать достаточно существенное несоответствие мнений. Рассмотрение вопросов правомерности отнесения тех или иных действий к акту самообороны и пределов допустимости ее оказания неизбежно наталкивается на необходимость учета человеческого фактора, т. е. психологических проявлений субъекта противодействия насилию.

В достаточно обширном пространстве научной базы, освещающей практику оценки действий человека с точки зрения самообороны, подавляющая часть источников выполнена с использованием юридико-правовой методологии [4–6]. Детализируя особенности организационной стороны соответствующих действий, многие из авторов признают насущную необходимость раскрытия их психологической детерминации

[7–9]. Однако полноценной возможностью решения возникающих при этом теоретических и практических задач обладает только психологическая наука.

На сегодняшний день проблема самообороны в психологии еще не получила необходимой полноты рассмотрения. При наличии отдельных научных и методических работ, затрагивающих психологическую составляющую данных действий, они не позволяют создать системное видение глубинных механизмов их построения. Вскрытая в них преимущественно эмоционально-волевая сторона активности субъекта не дает исчерпывающего объяснения причинного характера ее реализации в различные моменты события, попадающего в сферу правовой значимости. Определенной близостью к рассматриваемой тематике обладает предметная область психологии, посвященная формированию оборонного сознания субъектов (в первую очередь военнослужащих) [10; 11]. Однако она в большей степени лишь обозначает ракурсы, потенциально перспективные для выявления психологических детерминант самообороны в ситуациях криминальной угрозы. В условиях сохранения в деятельности правовых институтов неоднозначности в оценках ее обстоятельств и ограниченности эмпирически обоснованных концептов, позволяющих провести их полноценную экспертизу, актуальным представляется более обстоятельное теоретико-эмпирическое изучение психологических аспектов построения самообороны в ситуациях, содержащих угрозу для жизни человека.

Теоретическое рассмотрение проблемы

Самооборона с психологической точки зрения может определяться как некоторая последо-

вательность действий субъекта, направленных на противодействие источнику угрозы жизненно значимым для него интересам. Самооборона в условиях криминальной релевантности конкретизируется через сужение спектра интересов субъекта к защите своей жизни и здоровья от предельно агрессивных воздействий со стороны внешнего источника поведенческой активности.

Использование системного подхода требует рассматривать практику самообороны как целостный комплекс взаимодействия субъектов агрессии и противодействия ей, складывающийся в особом типе ситуаций. Адекватная оценка данного события невозможна без учета особенностей каждого компонента обозначенной системы и динамики развития ее состояния.

В качестве инициатора возникновения юридически значимой ситуации самообороны рассмотрению подлежит в первую очередь источник криминальной агрессии. Среди широкого спектра присущих ему субъектных характеристик в заданном контексте наиболее информативны мотивационные и ресурсные параметры.

Мотивационный параметр субъекта криминальной агрессии представлен мотивами, устремлениями, установками и прочими побудительными силами, толкающими его на создание и развитие соответствующей ситуации. Правовой значимостью обладает такая их интеграция, которая образует активно воплощаемый на практике умысел нанесения ущерба жизни и здоровью некоторому субъекту (или группе субъектов). Отсутствие умысла, не отменяя в определенных условиях необходимость осуществления самообороны, способно существенно изменить процесс ее реализации, образуя частный случай практики такого рода. Пассивный характер умысла, не получивший поведенческого выражения, при своем обнаружении допускает обоснованность профилактического этапа самообороны на уровне, не предполагающем агрессивные формы противодействия ему со стороны потенциальной жертвы.

Ресурсный параметр субъекта криминальной агрессии представлен единством его внутренних (интеллектуальных, аффективных) и внешних (физических) характеристик, составляющих энергетическую основу реализуемых действий. Определяя качественный и количественный характер его поведенческой активности, данный параметр оказывает непосредственное

влияние на интенсивность и длительность востребованной самообороны.

Мы исходим из того, что ни мотивационные, ни ресурсные параметры субъекта агрессии сами по себе не предопределяют возникновения юридически релевантной ситуации самообороны. Осуществляемый ими комплексно запуск насильственных действий со стороны обозначенного субъекта является темпоральным маркером образования смыслового поля собственной активности со стороны их объекта. При этом возможно три основных вектора ее реализации: противодействие агрессивным проявлениям, их пассивное принятие и уход от встречи с ними. Характер самообороны, возможной только в рамках построения противодействия, в большей мере определяется объектом агрессии, в данном случае трансформирующимся из потенциальной жертвы в субъекта активного противостояния ей (субъекта самообороны).

Субъект самообороны нами рассматривается в качестве источника активного поведенческого противодействия насильственному влиянию, обладающему некоторым потенциалом нанесения ущерба его жизни или здоровью. Эффективность субъекта самообороны определяется соотношением актуализованности в ситуации взаимодействия его индивидуальных ресурсов и ресурсов агрессора. Очевидная прямая связь поведенческой эффективности и ресурсной базы каждого субъекта предполагает не только объективную, но и субъективную оценку ее состояния. При этом выявление обоснованности оборонительных действий зачастую делает наиболее важным субъективное «отражение» соотношения ресурсов участников криминально значимого взаимодействия. Такое отраженное восприятие является результатом сложной интеграции и сравнительно-сопоставительных оценок ими наличного и предполагаемого потенциала поведенческой активности у себя и у противоположной стороны. Будучи субъективной, получаемая оценка не может претендовать на полную адекватность: сдвигаясь в сторону или занижения, или завышения первого и второго, она нелинейным образом трансформирует качественную и количественную сторону действий субъектов поддержания и противостояния криминальной агрессии. Вариативность поведенческой активности субъекта самообороны при этом может изменяться в диапазоне от полного отказа от самозащиты до действий, превышающих ее необходимые пределы.

Содержательные и динамические особенности противостояния насильственным действиям в существенной степени полидетерминированы психологическими характеристиками их субъекта. Среди немаловажных при этом субъектных характеристик сегодня называются параметры когнитивной (представления), эмоциональной (стенические и астенические эмоции, аффективные состояния) и поведенческой (готовность, навыки) сферы человека. В связи с реализацией самообороны обозначаются отдельные личностные проявления [12; 13]. Вместе с тем за рамками фактического рассмотрения до сих пор продолжает оставаться я-концепция личности, обладающая в данном контексте значимым системообразующим началом.

В современной психологии я-концепция личности признается сложным психологическим образованием, системно интегрирующим собой видение личностью всего комплекса своих феноменологических проявлений в контексте взаимодействия с окружающим миром. В ситуации самообороны определяющим личностным фактором для ее субъекта нами позиционируется элемент я-концепции, обозначаемый как концепция личной безопасности.

Под концепцией личной безопасности понимается элемент я-концепции личности, представляющий собой сложный смысловой конструкт системы «я — опасности для меня». Определяя поведение субъекта в широком спектре жизненных обстоятельств, особую значимость данный конструкт приобретает в ситуациях угрозы его защищенности и перспективам развития в рамках достижения личностно значимой цели [14].

Объясняющий потенциал обозначенной концепции базируется на ряде ее функций, среди которых обозначим мобилизационную, стимулирующую и направляющую. Реализуя в целом функциональные смыслы я-концепции личности, они специализируются применительно к предметному полю ее безопасности. Так, мобилизационная функция концепции личной безопасности основывается на ее способности объединять ресурсную базу личности для решения задач повышения подконтрольности субъекту факторов, значимых для сохранения его защищенности и потенциала развития [15; 16]. Стимулирующая функция рассматриваемой предметно ориентированной концепции заключается в ее способности актуализировать ресурсные возможности личности в ситуациях, обладающих более или менее выраженными

признаками угрозы субъекту. Ее направляющая функция реализуется через детерминацию выбора способа самообеспечения безопасности в широком спектре требующих того жизненных условий. В своем комплексе обозначенные функции концепции личной безопасности составляют основу регуляции поведенческой активности ее субъекта в различных типах угрожающих ему обстоятельств, включая ситуацию самообороны.

Полифункциональность концепции личной безопасности поддерживается ее сложной организацией, в составе которой, согласно устойчивым в психологии подходам, могут быть выделены когнитивный, аффективный и конативный компоненты. Когнитивный компонент концепции, исходя из общих для подобных явлений позиций, объединяет субъектные представления о собственной безопасности в целом и в конкретных ситуациях ее нарушения, структурированные соответствующим опытом субъекта. Аффективный компонент концепции содержит эмоционально окрашенное отношение субъекта к различным способам собственного взаимодействия с угрожающими ситуациями, параметры которого определяются личностными приоритетами и ценностями в сфере безопасности. Конативный компонент концепции включает виртуально представленный арсенал поведенческих средств противодействия угрозам безопасности, иерархизированный готовностью к их использованию в различных обстоятельствах. Наполненные базовым и специализированным содержанием, компоненты концепции личной безопасности обеспечивают возможность адаптации субъекта к разным типам угроз его жизненному благополучию. Если базовая часть концепции личной безопасности универсальна и формируется как целостный опыт субъекта по ее обеспечению, то специализированная часть данной концепции определяется особенностями различных типов ситуаций нарушения его безопасности.

Очевидно, что ситуация самообороны в криминально значимых обстоятельствах обладает свойствами, придающими базовым компонентам концепции личной безопасности уникальную специализацию. Характерные в принципе для многих экстремальных ситуаций признаки предельной напряженности складывающихся обстоятельств, динамичности их развития и повышенной субъективной значимости результатов в условиях самообороны получают особый

смысловой оттенок в силу яркой субъектности фактора опасности. Создавая и развивая ситуацию, он способен усиливать неопределенность ее качественных и темпоральных параметров, привлекать манипулятивные технологии и средства психологического подавления стороны обороны. Субъектность фактора опасности может также достаточно существенно изменять параметры поведенческой активности стороны противодействия агрессии [17]. В рамках данной статьи интерес представляет в первую очередь то, что она может определять нарушение пределов допустимой самообороны. При переводе на уровень психологического анализа данное событие обнаруживается феноменом, обозначаемым нами как смысловой разрыв формально заданного достаточного и субъективно переживаемого необходимого. Мы предполагаем, что величина подобного рода смыслового разрыва в значительной степени определяется сформированной у субъекта концепцией личной безопасности. Она влияет на выбор субъектом стратегии и тактики самообороны, средств ее реализации, полноту актуализации и использования ресурсов.

С теоретических позиций самооборона помещает субъекта в пространство явлений, детально изучаемых в рамках проблемного поля психологии безопасности [18–22]. В частности, как для любой экстремальной ситуации, для нее характерны выбор субъектом определенной стратегии самообеспечения безопасности, актуализация ресурсной базы личности, учет темпоральных особенностей, использование некоторых сценариев, траекторий поведенческой активности и т. д. Определяя базовую часть я-концепции личности, соответствующие феномены требуют конкретизации с учетом специфики элементов ситуации самообороны. Отсутствие полного понимания в соответствующей сфере затрудняет адекватную оценку правомерности ответных действий субъекта в ситуации криминальной агрессии, возможность причисления их к акту самообороны и установление допустимости ее пределов.

Восполнение пробела в обозначенном проблемно-предметном пространстве обусловило наше обращение к эмпирическому изучению особенностей концепции личной безопасности.

Материал и методы

Эмпирическая часть исследования проведена на базе материала, полученного на моло-

дежной выборке. К обследованию привлечено 300 чел. в возрасте от 18 до 35 лет (средний возраст — 26 лет ± 2,4 года). Из них 200 чел. являлись студентами очной и заочной форм обучения Ставропольского государственного педагогического института, а 100 чел. не относились к студентам и работали в различных организациях городов региона Кавказских Минеральных Вод.

На данном этапе использовались методы экспертной оценки продуктов деятельности и субъективного шкалирования.

Обследование предполагало реализацию двух основных этапов. В ходе первого этапа проходило выявление базовых компонентов концепции личной безопасности. Для этого испытуемым было предложено написать эссе на тему «Моя безопасность и ситуация самообороны». Анализ результатов выполнения данного задания проводился командой экспертов (психолог, юрист, педагог) и предполагал изучение содержания индивидуальной концепции безопасности испытуемых. Перед экспертами ставилась задача установления ее смыслообразующего и ведущих элементов. Полученный по итогам обработки эмпирический материал послужил основой разработки задания, направленного на более детальное изучение содержания концепции личной безопасности в связи с решением задач самообороны.

Второй этап исследования проводился в форме выполнения письменного задания по субъективному шкалированию парных высказываний. Обследуемым были предложены оценочные шкалы, содержание которых связано с конкретизацией концепции личной безопасности испытуемых, а также особенностей их поведенческих установок в ситуации самообороны. Набранные баллы подвергались количественной обработке и качественному анализу.

Количественная обработка эмпирических данных в исследовании проводилась на основе статистических процедур с использованием непараметрического критерия Фишера φ^* и корреляционного анализа по методу Браве — Пирсона.

Результаты и обсуждение

Первый этап эмпирической части исследования позволил выявить общие для молодежной выборки особенности концепции личной безопасности. В качестве системообразующего для нее элемента эксперты согласованно обозначили тематическую конструкцию «моя без-

опасность — это основное». Будучи явно и неявно представленной, она обнаружилась во всех подготовленных эссе. С определенными вариациями в словесном оформлении данная тема раскрывалась через признание опрошенными того, что все действия в ситуации самообороны должны быть направлены на сохранение своей жизни и здоровья.

Рассмотрение безопасности в качестве поведенческого ориентира в ситуации самообороны нашло отражение во всех остальных смысловых линиях выполненных эссе. В качестве ведущих элементов прослеживающейся в них концепции личной безопасности экспертами были идентифицированы тематические конструкции, обозначенные как «самоощущение», «оценка субъекта агрессии» и «ситуация».

Прослеживающаяся во всех собранных эссе конструкция «самоощущение» в структуре концепции личной безопасности отражает позиционирование молодыми людьми себя в ситуации самообороны. Экспертами было выделено два полюса выражения данной конструкции, условно обозначенные как «жертва» и «защитник». Ощущение себя в качестве жертвы в эссе (165 эссе, т. е. 55 % от всего объема) проявилось в детальном описании переживания объектом нападения страданий, негативных эмоций и состояний, возникающих в связи с необходимостью обороняться. Ощущение себя защитником (135 случаев, т. е. 45 % от всего объема) нашло выражение в описании действий, предпринимаемых субъектом самообороны для отражения нападения. Нам представляется, что первый из рассматриваемых полюсов выделенного конструкта в большей степени отражает утрату субъектом самообороны способности управлять ситуацией и его подчинение выстраивающейся цепочке событий, второй — его полное включение в ситуацию и принятие на себя ответственности за результат самообороны. Первая позиция в большей степени экстернальна, вторая — интернальна, что должно отражаться на всем процессе самообороны. Отметим, что в нашей выборке проявилась статистически значимая тенденция к преобладанию в ситуации самообороны восприятия себя молодыми людьми в качестве жертв нападения ($\varphi^*_{эмп.} = 1,723$; $p = 0,043$).

Конструкции, содержащие оценку субъекта агрессии, выявлены в значительной части эссе (в 292 работах, т. е. в 97,3 % от их общего количества). Исходя из этого можно сделать вывод, что в описаниях молодыми людьми ситуации

самообороны данный смысловой конструкт будет содержаться с высоким уровнем вероятности. Соответственно, его можно признать необходимым элементом концепции личной безопасности субъекта обороны. Содержательный анализ эмпирических материалов показал, что субъект агрессии, безальтернативно наделенный испытуемыми применительно к ситуации самообороны отрицательной коннотацией, дифференцируется по ее уровню. Экспертами были выявлены две основные формы представления его в эссе — обобщенно атрибутирующая (184 случая, т. е. 63,0 % эссе, содержащих оценку агрессора) и частно атрибутирующая (106 случаев, т. е. 37,0 %). Обобщенная форма реализуется в основном через раскрытие сущности агрессора на основе понятий «зверь», «чудовище», «нелюдь», интегрирующих комплекс негативных оценок субъекта агрессии. Частно атрибутирующая форма представлена характеристиками, предполагающими приписывание субъекту некоторых причинных оснований его нападения. К данной форме отнесены высказывания, обозначающие агрессора в качестве лица, обладающего некоторой причиной нападения: выплеснуть гнев, отобрать материальные ценности, утвердиться через насилие и т. д. Отметим, что перечисляемые при этом варианты отличаются достаточным разнообразием позиционирования субъекта агрессии. С психологической точки зрения выделенные формы рассматриваемой тематической конструкции расходятся по глубине понимания объекта характеристики: в первом случае оно поверхностно и ориентируется на его рассмотрение исключительно через свое мироощущение в ситуации самообороны, во втором случае — содержит попытку постижения в ее контексте личности агрессора. Если в первой форме предположительно преобладает эмоциональное, то во второй — познавательное начало. Расхождения в восприятии агрессора как часть концепции личной безопасности могут повлиять на организацию поведенческой активности в ситуации самообороны. Полученные на нашей выборке результаты свидетельствуют о статистически достоверном преобладании среди молодых людей обобщенной формы атрибутирования агрессора ($\varphi^*_{эмп.} = 4,314$; $p = 0,000$).

Представленная в эссе тематическая конструкция «ситуация» (286 работ, т. е. 95,3 % от их общего количества) в структуре концепции личной безопасности отражает субъектное видение нормативности ситуации самообороны. В нем

экспертами было выделено две формы, обозначенные как «типичная ситуация самообороны» и «нетипичная жизненная ситуация». К первой форме рассматриваемой конструкции были отнесены работы, в которых прослеживались элементы описания действий, реализуемых в ситуации самообороны на необходимой основе (124 случая, т. е. 43,4 % от всех эссе с характеристикой ситуации). В данном случае авторы эссе демонстрировали обладание некоторым комплексом знаний относительно процесса ее протекания, понимание связанных с этим закономерностей. Ко второй форме данной тематической конструкции отнесены работы, в которых ситуация самообороны рассматривалась как последовательность непредсказуемых событий, вероятностных реакций и действий (162 случая, т. е. 56,6 % эссе с описанием ситуации). О наличии в концепции личной безопасности элементов готовности к реализации практики самообороны свидетельствует, по нашему мнению, использование в эссе первой формы конструкции, об их отсутствии — второй из обозначенных форм. В нашей выборке молодых людей проявилась статистическая тенденция к восприятию ситуации как мало предсказуемой последовательности событий ($\varphi_{эм.}^* = 2,221$; $p = 0,013$).

Промежуточным выводом представленного исследования явилось признание в качестве ведущих элементов концепции личной безопасности смысловых конструктов, обозначаемых как «самоощущение», «оценка субъекта агрессии» и «ситуация». Зафиксированы полярные формы их представления: «жертва — защитник», «обобщенная — частная», «нетипичная — типичная». Применительно к ситуации самообороны у молодых людей было установлено статистически достоверное преобладание обобщенно негативной формы восприятия агрессора и статистически значимой тенденции к восприятию себя в качестве жертвы, а самой ситуации — как непредсказуемой, наполненной вероятностными событиями.

Второй этап исследования предполагал уточнение особенностей концепции личной безопасности в связи с поведенческими установками испытуемых применительно к ситуации самообороны. Инструментом выступили пять семибалльных шкал. Для трех из них полюсами обозначены выявленные ранее ведущие формы элементов концепции личной безопасности. Они образовали следующие пары утверждений: в ситуации самообороны «я — жертва» / «я — защитник»; «нападающий — чудовище» / «на-

падающий — человек, руководимый каким-то мотивом»; «самооборона — нетипичная жизненная ситуация» / «самооборона — типичная жизненная ситуация». Для оставшихся двух шкал полюсами оценки выступили утверждения, образованные параметрами пределов самообороны: «при самообороне допустимы любые средства противодействия» / «при самообороне могут использоваться только адекватные нападения средства»; «самооборона требует наказания нападавшего» / «самооборона предполагает только непосредственную защиту».

Полученные результаты подтвердили доминирование среди молодых людей применительно к ситуации самообороны ориентации на восприятие себя в качестве жертвы (здесь и далее по семибалльной шкале средняя по выборке оценка составила 3,1 балла), нападающего — в качестве обобщенного агрессора (1,8 балла), ситуации — как вероятностной, слабо предсказуемой (2,4 балла).

В установке на построение практики самообороны проявилось смещение готовности к использованию любых средств противодействия агрессору (3,3 балла), но ограничению своего противодействия мерами прямой защиты (4,9 балла). Такие оценки с правовой точки зрения неоднозначны, так как, несмотря на темпоральные ограничения молодыми людьми ответных действий, использование любых средств противодействия агрессору в ситуации самообороны не всегда может быть признано обоснованным.

Корреляционный анализ позволил установить ряд статистически значимых связей элементов концепции личной безопасности и компонентов поведенческой установки молодых людей в ситуации самообороны. Выбор средства отражения нападения оказался в статистически значимой связи с самоощущением ($r = 0,127$; $p < 0,05$) и оценкой субъекта агрессии ($r = 0,169$; $p < 0,01$), а целевых границ противодействия — с оценкой субъекта агрессии ($r = 0,172$; $p < 0,01$) и восприятием ситуации ($r = 0,131$; $p < 0,05$).

Установлено, что ориентация молодых людей на использование в ситуации самообороны любых средств защиты на уровне статистической тенденции сочетается с восприятием себя в качестве жертвы, а ограничение себя использованием средств защиты, только адекватных нападению, — с восприятием себя в качестве собственного защитника. Кроме того, с достаточной вероятностью они предрасположены привлекать любые возможные средства защиты при

обобщенно негативном восприятии агрессора, а ориентация на использование адекватных средств защиты обнаруживается при рассмотрении в нем мотивационных проявлений личности.

Согласно корреляционным связям, ограничение себя только защитой со статистической вероятностью проявляется при восприятии ситуации самообороны типичной жизненной ситуацией, а субъекта агрессии — человеком, руководимым какими-либо мотивами. Выход за рамки защиты себя в пользу наказания субъекта нападения вероятен тогда, когда последний воспринимается в качестве однозначно негативного агрессора, а ситуация самообороны — как глубоко нетипичная жизненная ситуация.

Таким образом, обоснованная самооборона более вероятна в том случае, когда сформированная у ее субъекта концепция личной безопасности характеризуется восприятием себя в качестве собственного защитника, агрессора — в качестве человека с личностным началом, а события — в качестве одной из жизненных ситуаций. Превышение пределов самообороны более вероятно в случае утверждения в концепции личной безопасности ее субъекта самовосприятия в качестве жертвы соответствующего события, восприятия агрессора — как представителя зла, а ситуации — как глубоко нетипичного для себя и окружающих жизненного события.

Заключение

Действия самообороны продолжают вызывать вопросы, связанные с признанием обоснованности их пределов в различных типах жизненных ситуаций. Мы исходим из того, что установление истинных обстоятельств каждого конкретного случая требует исчерпывающего изучения всех его аспектов, на необходимой основе включающего выявление психологической составляющей действий участников криминального противодействия. Только такая информация открывает возможность исчерпывающей

рефлексии процесса самообороны и принятия адекватного решения о правомерности действий его субъекта.

Поведение субъекта в напряженных условиях противодействия внешней агрессии в ситуации самообороны определяется комплексом психологических детерминант, из которых ведущей нами рассматривается концепция личной безопасности. Являясь сложно организованным элементом я-концепции личности, она определяет поведение субъекта самообороны по ряду направлений. Поэтому определение ее содержательных особенностей открывает возможности более полной конкретизации причинного пространства соответствующей поведенческой активности.

Представленный в статье опыт эмпирического изучения содержания концепции личной безопасности молодежной выборки в связи с реализацией задач самообороны позволил визуализировать ее проблемные области, что расширяет возможности осмысления причинной базы субъекта рассматриваемых уголовно релевантных действий. Подтвержденная на опытной основе связь элементов концепции личной безопасности и компонентов готовности субъекта к реализации практики самообороны открыла возможность для формулирования направлений повышения уровня ее правомерности. Это актуально в связи с тем, что, согласно сделанным выводам, значительная часть молодежи не обладает личностными предпосылками соблюдения обоснованных пределов самообороны в условиях угрозы своей жизни и здоровью. Наиболее перспективным в этой связи нами рассматривается введение в вузовский курс или в автономные курсы самообороны модуля, обеспечивающего психологическую компетентность ее субъекта. Вместе с тем очевидно, что формирование его содержания требует продолжения исследований, связанных с изучением концепции личной безопасности субъектов обороны в уголовно значимых ситуациях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиева З. М. Проблемы превышения пределов необходимой обороны во времени / З. М. Алиева // Проблемы современной науки и образования. — 2012. — № 3. — С. 90–91.
2. Боброков И. А. Особенности применения сотрудниками органов внутренних дел права на необходимую оборону / И. А. Боброков // Вестник ВИПК МВД России. — 2012. — № 4. — С. 47–50.
3. Махов С. Ю. Пределы необходимой самообороны : учеб. пособие / С. Ю. Махов // Курсы дистанционного образования. — 2012. — № 2 (3). — С. 150–230.
4. Берестовой А. Н. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. Н. Берестовой. — СПб., 1999. — 20 с.
5. Дмитренко А. П. Институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном праве России: основы теории, законодательной регламентации и правоприменения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / А. П. Дмитренко. — М., 2010. — 51 с.

6. Журавлев М. П. К вопросу о юридической природе обстоятельств, исключающих преступность деяния / М. П. Журавлев, Е. М. Журавлева // Уголовное право. — 2012. — № 1. — С. 24–28.
7. Берестовой А. Н. Реализация права граждан на необходимую оборону (историко-правовой и психолого-юридический аспекты) / А. Н. Берестовой // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2016. — № 2. — С. 10–14.
8. Ермаков П. А. Психология и техника реальной самообороны / П. А. Ермаков. — Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1991. — 46 с.
9. Орехов В. В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния / В. В. Орехов. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. — 217 с.
10. Разгонов В. Л. Формирование оборонного сознания военнослужащих / В. Л. Разгонов, А. Д. Лопуха // Мир науки, культуры, образования. — 2013. — № 6. — С. 269–271.
11. Разгонов В. Л. Особенности формирования оборонного сознания в современной России / В. Л. Разгонов // Мир науки, культуры, образования. — 2014. — № 6. — С. 67–69.
12. Оплетин А. А. Приемы самообороны как компонент личной безопасности в системе самореализации и саморазвития личности / А. А. Оплетин // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2012. — № 2. — С. 47–50.
13. Махов С. Ю. Самооборона в формировании стратегии личной безопасности / С. Ю. Махов. — Орел : ОрелГТУ, 2008. — 202 с.
14. Краснянская Т. М. Понятийные ориентиры развития психологической безопасности личности в предметном поле современных исследований / Т. М. Краснянская, В. Г. Тылец // Education Sciences and Psychology. — 2013. — № 1 (23). — С. 59–64.
15. Артефакты личной безопасности в субъектном пространстве студентов вуза / И. Б. Котова [и др.] // Российский психологический журнал. — 2016. — Т. 13, № 4. — С. 51–67. — DOI: 10.21702/rpj.2016.4.3.
16. Краснянская Т. М. Психологическая характеристика виртуальных ресурсов безопасности личности / Т. М. Краснянская, В. Г. Тылец // Веснік Магілеўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя С. Псіхалага-педагагічныя навукі: педагогіка, псіхалогія, методыка. — 2016. — № 1 (47). — С. 37–43.
17. Краснянская Т. М. Принципы облачных технологий в ресурсном обеспечении саморегуляции субъекта психологической безопасности / Т. М. Краснянская, В. Г. Тылец // Личностный ресурс субъекта труда в изменяющейся России : материалы 4-й Междунар. науч.-практ. конф., Кисловодск — Москва, 8–10 окт. 2015 г. — Ставрополь, 2015. — С. 56–61.
18. A large scale study of the assessment of the social environment of middle and secondary schools: The validity and utility of teachers' ratings of school climate, cultural pluralism, and safety problems for understanding school effects and school improvement / S. Brand [et al.] // Journal of School Psychology. — 2008. — Vol. 46, № 5. — P. 507–535.
19. Carmeli A. Learning behaviours in the workplace: The role of high-quality interpersonal relationships and psychological safety / A. Carmeli, D. Brueller, J. E. Dutton // Systems Research and Behavioral Science. — 2009. — P. 81–89. — DOI: 10.1002/sres.932.
20. Clarke S. The relationship between safety climate and safety performance: A meta-analytic review / S. Clarke // Journal of Occupational Health Psychology. — 2006. — № 11 (4). — P. 315–327.
21. Goldstein S. E. Relational aggression at school. Associations with school safety and social climate / S. E. Goldstein, A. Young, C. Boyd // Journal of Youth and Adolescence. — 2008. — Vol. 37, № 6. — P. 641–654.
22. The influence of psychological safety and confidence in knowledge on employee knowledge sharing / E. Siemsen [et al.] // Manufacturing & Service Operations Management. — 2009. — № 11 (3). — P. 429–447. — DOI: 10.1287/msom.1080.0233.

REFERENCES

1. Alieva Z. M. Problems exceeding the limits of necessary defense in time. *Problemy sovremennoi nauki i obrazovaniya = Modern Problems of Science and Education*, 2013, no. 3, pp. 90–91. (In Russian).
2. Bobrov I. A. Features of the application of the law enforcement officers to the necessary defense by the law-enforcement bodies. *Vestnik VIPK MVD Rossii = Vestnik «All-Russian Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation»*, 2012, no. 4, pp. 47–50. (In Russian).
3. Makhov S. Yu. Limits of necessary self-defense. *Kursy distantsionnogo obrazovaniya = Distance Learning Courses*, 2012, no. 2 (3), pp. 150–230. (In Russian).
4. Berestovoi A. N. *Obosnovanniy risk kak obstoyatel'stvo, isklyuchayushchee prestupnost' deyaniya. Avtoref. Kand. Diss.* [Reasonable risk as a circumstance excluding the criminality of the act. Cand. Diss. Thesis]. Saint Petersburg, 1999. 20 p.
5. Dmitrenko A. P. *Institut obstoyatel'stv, isklyuchayushchikh prestupnost' deyaniya, v ugovnom prave Rossii: osnovy teorii, zakonodatel'noi reglamentatsii i pravoprimeneniya. Avtoref. Dokt. Diss.* [Institute of liability that excludes the criminal character of the action in Russian criminal law: basics of theory, legislative regulation and law enforcement. Doct. Diss. Thesis]. Moscow, 2010. 51 p.
6. Zhuravlev M. P., Zhuravleva E. M. The circumstances that exclude the criminality of act. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2012, no. 1, pp. 24–28. (In Russian).
7. Berestovoi A. N. Implementation of citizens' rights to necessary defence (historically legal and psychology-juridical aspects). *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogics in Law Enforcement Agencies*, 2016, no. 2, pp. 10–14. (In Russian).
8. Ermakov P. A. *Psikhologiya i tekhnika real'noi samooborony* [Psychology and real self-defense equipment]. Rostov-on-Don State University Publ., 1991. 46 p.
9. Orekhov V. V. *Neobkhodimaya oborona i inye obstoyatel'stva, isklyuchayushchie prestupnost' deyaniya* [Necessary defence and other circumstances excluding criminality of act]. Saint Petersburg, Juridichesky Center Press Publ., 2003. 217 p.
10. Razgonov V. L., Lopoukha A. D. The formation of the defence consciousness servicemen. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The World of Science, Culture and Education*, 2013, no. 6, pp. 269–271. (In Russian).

11. Razgonov V. L. Specific feature of the emergence of the defense mindset in modern Russia. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The World of Science, Culture and Education*, 2014, no. 6, pp. 67–69. (In Russian).
12. Opletin A. A. Self-Defense Techniques as an Element of Personal Safety in the System of Self-Fulfillment and Self-Development of Personality. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogics in Law Enforcement Agencies*, 2012, no. 2, pp. 47–50. (In Russian).
13. Makhov S. Yu. *Samooborona v formirovanii strategii lichnoi bezopasnosti* [Self-defence in the strategy of personal security]. Orel State Technical University Publ., 2008. 202 p.
14. Krasnyanskaya T. M., Tylets V. G. Conceptual guidelines for the development of psychological safety of the person in the subject field of modern research. *Education Sciences and Psychology*, 2013, no. 1 (23), pp. 59–64. (In Russian).
15. Kotova I. B., Krasnyanskaya T. M., Tylets V. G., Veselova V. G., Iokhvidov V. V. Artifacts of personal safety in the subjective space of university students. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal = Russian Psychological Journal*, 2016, vol. 13, no. 4, pp. 51–67. DOI: 10.21702/rpj.2016.4.3. (In Russian).
16. Krasnyanskaya T. M., Tylets V. G. Psychological characteristics of virtual resources of personal security. *Vesnik Magileyskaya dzyarzhaynaga yuniversiteta imya A. A. Kulyashova. Seryya C. Psikhologa-pedagogichnyya navuki: pedagogika, psikhologiya, metodyka = Mogilev State A. Kuleshov Bulletin. Series C. Psychology-Pedagogics Disciplines: Pedagogy, Psychology, Methodology*, 2016, no. 1 (47), pp. 37–43. (In Russian).
17. Krasnyanskaya T. M., Tylets V. G. Principles of cloud technologies in the resource support of self-regulation of the subject of psychological security. *Lichnostnyi resurs sub"ekta truda v izmenyayushcheysya Rossii. Materialy 4-i mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Kislovodsk — Moskva, 8–10 oktyabrya 2015 g.* [Personal Resources of the Subject of Work in Changing Russia. Materials of International Scientific Conference, Kislovodsk — Moscow, October 8–10, 2015]. Stavropol, 2015, pp. 56–61. (In Russian).
18. Brand S., Felner R. D., Seitsinger A., Burns A., Bolton N. A large scale study of the assessment of the social environment of middle and secondary schools: The validity and utility of teachers' ratings of school climate, cultural pluralism, and safety problems for understanding school effects and school improvement. *Journal of School Psychology*, 2008, vol. 46, no. 5, pp. 507–535.
19. Carmeli A., Brueller D., Dutton J. E. Learning behaviours in the workplace: The role of high-quality interpersonal relationships and psychological safety. *Systems Research and Behavioral Science*, 2009, pp. 81–89. DOI: 10.1002/sres.932.
20. Clarke S. The relationship between safety climate and safety performance: A meta-analytic review. *Journal of Occupational Health Psychology*, 2006, no. 11 (4), pp. 315–327.
21. Goldstein S. E., Young A., Boyd C. Relational aggression at school. Associations with school safety and social climate. *Journal of Youth and Adolescence*, 2008, vol. 37, no. 6, pp. 641–654.
22. Siemsen E., Roth A. V., Balasubramanian S., Anand G. The influence of psychological safety and confidence in knowledge on employee knowledge sharing. *Manufacturing & Service Operations Management*, 2009, no. 11 (3), pp. 429–447. DOI: 10.1287/msom.1080.0233.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Краснянская Татьяна Максимовна — профессор кафедры педагогики и психологии филиала Ставропольского государственного педагогического института, доктор психологических наук, профессор, г. Ессентуки, Российская Федерация; e-mail: ktm8@yandex.ru.

Тылец Валерий Геннадьевич — профессор кафедры педагогики и психологии филиала Ставропольского государственного педагогического института, доктор психологических наук, профессор, г. Ессентуки, Российская Федерация; e-mail: tyletsvalery@yandex.ru.

Иохвидов Владимир Вячеславович — доцент кафедры педагогики и психологии филиала Ставропольского государственного педагогического института, кандидат педагогических наук, доцент, г. Ессентуки, Российская Федерация; e-mail: vlnauka@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Краснянская Т. М. Концепция личной безопасности как психолого-криминологический фактор самообороны / Т. М. Краснянская, В. Г. Тылец, В. В. Иохвидов // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — Т. 12, № 6. — С. 826–835. — DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(6).826-835.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Krasnyanskaya, Tatiana M. — Professor, Chair of Pedagogics and Psychology, Affiliate of Stavropol State Pedagogical Institute, Doctor of Psychology, Professor, Essentuki, the Russian Federation; e-mail: ktm8@yandex.ru.

Tylets, Valery G. — Professor, Chair of Pedagogics and Psychology, Affiliate of Stavropol State Pedagogical Institute, Doctor of Psychology, Professor, Essentuki, the Russian Federation; e-mail: tyletsvalery@yandex.ru.

Iokhvidov, Vladimir V. — Ass. Professor, Chair of Pedagogics and Psychology, Affiliate of Stavropol State Pedagogical Institute, Ph. D. in Pedagogics, Ass. Professor, Essentuki, the Russian Federation; e-mail: vlnauka@mail.ru.

FOR CITATION

Krasnyanskaya T. M., Tylets V. G., Iokhvidov V. V. Personal safety concept as a psychological and criminological factor of self-defense. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 6, pp. 826–835. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(6).826-835. (In Russian).